

10. [https://lawbooks.news/grammatika\\_948/203-uchenie-slovosochetanii-zarubejnoj-53013.html](https://lawbooks.news/grammatika_948/203-uchenie-slovosochetanii-zarubejnoj-53013.html).
11. <https://www.thoughtco.com/what-is-collocation-words-1689865>.
12. [https://www.researchgate.net/publication/303742375\\_Classification\\_of\\_Collocation\\_The\\_Main\\_Approaches\\_and\\_Criteria](https://www.researchgate.net/publication/303742375_Classification_of_Collocation_The_Main_Approaches_and_Criteria).
13. <https://cyberleninka.ru/article/n/leonard-blumfeld>.
14. <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-bazovyh-ponyatij-kombinatornoj-lingvistiki-1>.
15. <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kollokatsiy-v-formirovanii-leksicheskikh-navykov-rechi>.

#### References

1. Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. *Aspekty` teorii frazeologii*. -Moskva: Znak, 2008. 51 p.
2. Vinogradov V. V. *Russkij yazyk`k (Grammaticheskoe uchenie o slove) / ed. G.A. Zolotova*. 4<sup>th</sup> ed. M.: Russ. yazyk, 2001. 632 p.
3. Vinogradov V. V. *Ob osnovny`x tipax frazeologicheskix edinicz v russkom yazyke*. M.: Nauka, 2009. 76 p.
4. Iordanskaya L. N., Mel'chuk I. A. *Smy'sl i sochetaemost` v slovare*. M.: Yazyki slavyanskix kul'tur, 2007, pp. 227–233.
5. Agnes Tutin, Francis Grossman, *Collocations régulières et irrégulières: esquisse de typologie du phenomena collocatif*, Publications linguistiques, 2002. 1 Vol. VII | pages 7 à 25
6. Lackman K. *Teaching Collocations: Activities for Vocabulary building*. Toronto: Ken Lackman and Associates Educational Consultants, 2011.
7. René Klein i Béatrice Lamiroy. *Le figement : Unité et diversité: Collocations, expressions figées, phrases situationnelles*, 2016.
8. <https://scicenter.online/russkiy-yazyk-scicenter/sintagmaticheskie-otnosheniya-leksike-97164.html>
9. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-razgranichenii-tipov-slovosochetanii>
10. [https://lawbooks.news/grammatika\\_948/203-uchenie-slovosochetanii-zarubejnoj-53013.html](https://lawbooks.news/grammatika_948/203-uchenie-slovosochetanii-zarubejnoj-53013.html).
11. <https://www.thoughtco.com/what-is-collocation-words-1689865>.
12. [https://www.researchgate.net/publication/303742375\\_Classification\\_of\\_Collocation\\_The\\_Main\\_Approaches\\_and\\_Criteria](https://www.researchgate.net/publication/303742375_Classification_of_Collocation_The_Main_Approaches_and_Criteria).
13. <https://cyberleninka.ru/article/n/leonard-blumfeld>.
14. <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-bazovyh-ponyatij-kombinatornoj-lingvistiki-1>.
15. <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kollokatsiy-v-formirovanii-leksicheskikh-navykov-rechi>.

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 10.11.2021; accepted for publication 15.11.2021.

Научная статья

УДК 316.28

doi: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-081-087

#### ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

**Мустафаева Малахат Мустафа гызы**

Бакинский славянский университет, Баку, Азербайджан, mustafayeva1964@bk.ru

**Аннотация.** Представленная статья написана на актуальную тему. В ней в границах основных актов коммуникации сделан упор на некоторых опорных факторах. Прежде всего, корректировке подвергается двухчастная формула: переводчик – читатель. Никким образом не ставя под сомнение незыблемость этой традиционной формулировки, в статье делается попытка насытить её новым содержанием. В частности, опираясь на труды ведущих русских и европейских учёных, показывается, что переводчик, используя разные коммуникативные возможности, доводит до читателя смысл передаваемой информации, черпая идеи из арсенала нескольких вариантов. Так

возникает и развивается дискуссия о вариативности переводческой деятельности, в свою очередь тесно связанная с сигнификатом и денотатом текста. Эти термины не только раскрываются, но и подвергаются небольшому критическому анализу.

Статья написана исключительно в теоретическом ключе: большое место занимают высказывания учёных, активно подключающихся к избранной в статье проблематике, причём, с различных лингвистических позиций. Между тем такой подход, по нашему мнению, вполне оправдывает поставленную цель: указать на широкие потенциальные возможности перевода, используя для этого сугубо теоретический материал. Он включает в себя: А) Определение одноязычной или двуязычной коммуникации как составной части перевода; В) Указание на эквивалентность, тождественность либо разницу языковых кодов отправителя и получателя информации; С) Выявление природы языковой коммуникации с присущими ей факторами; D) Определение роли сигнификатов и денотатов. В конце статьи возможности перевода подчинены некоторым культурологическим идеям.

**Ключевые слова:** теория коммуникации, переводоведение, авторский перевод, переводной язык, лингвистика, группы языков

#### **POTENTIAL TRANSLATION OPPORTUNITIES IN THE ASPECT OF COMMUNICATION THEORY**

**Mustafayeva Malakhat Mustafa**

Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan, mustafayeva1964@bk.ru

**Abstract.** The presented article is written on a topical topic. In it, within the boundaries of the main acts of communication, emphasis is placed on some supporting factors. First of all, the two-part formula is subject to correction: translator-reader. Without in any way questioning the inviolability of this traditional formulation, the article attempts to saturate it with new content. In particular, based on the works of leading Russian and European scientists, it is shown that the translator, using different communicative capabilities, brings to the reader the meaning of the transmitted information, drawing ideas from the arsenal of several options. This is how the discussion about the variability of translation activity arises and develops, which in turn is closely related to the signification and denotation of the text. These terms are not only disclosed, but also subjected to a little critical analysis.

The article is written exclusively in a theoretical way: a large place is occupied by the statements of scientists who are actively involved in the problems chosen in the article, and from various linguistic positions. Meanwhile, such an approach, in our opinion, fully justifies the goal set: to point out the broad potential possibilities of translation, using purely theoretical material for this. It includes: A) Definition of monolingual or bilingual communication as an integral part of translation; B) An indication of the equivalence, identity or difference of the language codes of the sender and the recipient of the information; C) Identification of the nature of language communication with its inherent factors; D) Definition of the role of signification and denotations. At the end of the article, the translation possibilities are subordinated to some cultural ideas.

**Keywords:** communication theory, translation studies, author's translation, translated language, linguistics, groups of languages

**Введение.** Процесс перевода с любого языка определяется различными факторами. В идеале они должны быть закономерными, однако, иногда продиктованы и случайностями, от которых отнюдь не свободен переводчик. Случайности и закономерности в этом процессе – как две составляющие единого процесса. С одной стороны, они свидетельствуют о своеобразии людей, которые участвуют в коммуникации. С другой, находят своё выражение в выборе специалистом языковых средств. Соотношение между этими теоретическими положениями важно, так как их игнорирование фактически нивелирует те факторы, которые способствуют качественному переводу.

Несмотря на тот факт, что перевод принципиально неотделим от языковых функций (с каких сторон не посмотреть – средства, группа, направленность, материал, объект исследования, вхождение в ту или иную область лингвистики и т.п.), закономерность его рассмотрения в коммуникационном аспекте не всегда и не для всех учёных была очевидной. Так, некоторые лингвисты в середине прошлого столетия (И.И.Ревзин, В.Ю.Розенцвейг) и другие предупреждали, что «коммуникативная роль языка при определённых условиях можно и должно отождествлять кодом» [8, с. 54–55; 9]. Семиотическую направленность в когнитивной лингвистике, конечно же, никто не принижает, но ставить её на чашу весов с коммуникативными функциями как таковыми неправомерно.

Современные исследования базируются на классических теориях Ф. Соссюра, В. Гумбольдта, Лейбница, Якобсона, Галле, Блумфельда, Черри, Б. де Кортуне и многих других выдающихся учёных прошлого. Их взгляды были едины в отношении того, что коммуникативный подход в большей степени способствует правильному распознаванию всевозможных явлений языка любой группы. Например, один из объёмных разделов книги современного лингвиста М.Ю. Илюшкина так и называется: «Перевод как акт межъязыковой коммуникации» [5]. В его работе прямо говорится о том, что категорические возражения против исследования перевода в коммуникативном ключе являются беспочвенными. Более того, если и затрагивать вопрос о семиотике, то всё равно следует признать, что в самом процессе перевода знаковый характер любого языка предстаёт с очевидностью. С таким убеждением солидарны Т.Г. Грушевицкая [4], В.Б. Кашкин [7] и многие другие современные учёные, работающие в области теории и практики перевода.

Итак, с высоты развития лингвистической науки третьего десятилетия XXI века не вызывает никакого сомнения значимость языковой коммуникации как важнейшего фактора переводческой деятельности. Однако в настоящей статье мы намереваемся поставить вопрос несколько глубже: особенности двуязычной коммуникации позволяют рассмотреть потенциальные возможности перевода в свете означенной теории.

**Основная часть.** Классические параметры коммуникации предусматривают не только учёт функциональных особенностей исходного языка [ИЯ] и переводного языка [ПЯ], что является уже темой другого исследования, но прежде всего субъекта и объекта получения информации в процессе перевода. Иными словами, переводчик выступает в качестве отправителя материала, а читатель – это получатель, ретранслирующий его. Каждый из них перед началом работы (собственно переводом) и восприятием текста владеет некоей знаковой системой. С её помощью первый имеет возможность кодировки, а второй – расшифровки информации. Получатель, или читатель декодирует текст, исходя из своего кода. В результате извлекается необходимый для последнего материал.

Характерно, что тождество систем всегда относительно. Это можно образно сравнить с уровнем IQ определённого контингента обучающихся языку без различия статуса в аудитории. Скажем, некоторое количество людей мыслят почти одинаково, предмет изучения какого-либо языкового явления ими рассматривается идентично, но подходы и уровень их интеллектуальных способностей между тем различен и потому восприятие информации не адекватно. Спроецируем теперь этот образный пример на переводческую деятельность. Один и тот же текст в процессе перевода, как правило, оказывает различное воздействие только на получателей, с одной стороны, отправителей и получателей – с другой. «Секрет» заключается в том, что в основе одного и того же небольшого текстового отрезка речи могут лежать разные, а иногда и вообще диаметрально противоположные коммуникативные намерения получателей и отправителей.

Это происходит отнюдь не по причине недостаточной квалифицированности переводчика. Здесь дело в природе языковой коммуникации. Потенциальные возможности специалистов не уменьшаются от постановки различных коммуникативных задач, но намерения отправителей информации не тождественны воздействию на получателя. Относительное коммуникативное взаимодействие между переводчиком и читателем возможно только в тех случаях, если текст на одном языке (традиционно – Я<sup>1</sup> превращается в текст на другом Я<sup>2</sup>).

Прежде чем говорить о потенциальных возможностях перевода в рамках теории, вынесенной в заголовок настоящей статьи, подчеркнём: центральной проблемой является изучение критериев сохранения его вариативности. Ведь если умозрительно отбросить случайности в цепи переводчик – читатель, при сохранении различных вариантов (близких, но не эквивалентных друг другу), то это даст учёным ключ к рассмотрению объективных факторов перевода. Ставится вопрос: что необходимо знать переводчику в целях сохранения вариативности?

В процессе перевода специалист хотя бы в общих чертах должен иметь представление о том, что в сознании людей, говорящих на любом языке, факторы объективной реальности отражаются в максимальной, если не сказать тождественной приближённости друг к другу. Иными словами, любое представление по своей сути воспроизводимо. Следовательно, сохранение вариативности в рамках теории коммуникации при переводе объективно зависит от того, возможна ли в принципе передача любого отражения. Причём, большинство учёных сходится во мнении, что способность отражать новые понятия в процессе перевода является составной имманентной частью любой

языковой системы. То есть вне зависимости от того, с языка какой группы на какую производится перевод.

С таким положением солидарен, к примеру, английский лингвист Джон Р. Фёрст, который, на наш взгляд, очень близко подошёл к выяснению вопроса, являющегося целью нашей статьи [12]. Потенциальные возможности перевода в границах исследуемой теории раскроются тем шире, чем точнее будут обнаружены компоненты коммуникативных и языковых действий, оставляющих для специалиста некоторый простор для разных вариантов. Это позволит также выявить те основные факторы, которые помогают сохранить вариативность.

Предположение Д.Фёрста можно, по нашему мнению, дополнить и логично продолжить, если мы говорим не о произвольной вариативности, которая недопустима в переводе (художественной – лишь в крайних случаях, а в официально-деловой информации – категорично), так как реально искажает первоисточник, но именно о *денотативной вариативности*. Поясним. Трансляция каких-либо сообщений от имени переводчика, которые читатель воспринимает для себя по-разному, не ограничиваются отдельными фактами или же образными представлениями. Нет, речь идёт о классе предметов, в семантике и логике играющих ключевую роль.

Посредством отражения коммуникация тесно связана с материализованным объектом. Но показательно, что место объекта не локализовано. То есть, оно может занимать не только некое промежуточное положение между двумя объектами, но и между отражениями в сознании участников, переводчика и читателя. Отсюда делается вывод, что отношение к не строго закреплённому положению объекта следует считать опосредованным. Это как в математике две точки на прямой: исходный и конечный акт коммуникации. Таким образом, в отличие от собственно лингвистической позиции, в которую непосредственно поставлен переводчик, ответственный за передачу нужной информации для читателя, в коммуникативном аспекте сохранение денотативной вариативности объективно можно считать обоснованным. Это и есть компоненты коммуникативных и языковых действий.

Следовательно, на очереди, как мы ранее обозначили, второй вопрос: какие факторы содействуют сохранению вариативности и соответственно расширяют потенциальные возможности переводчика в свете анализируемой теории? Имеются, по нашему мнению, как минимум три основных фактора, заметно влияющих на процесс перевода:

- 1) семиотическая система (знаки, коды);
- 2) реальная действительность как составная часть передаваемой информации и её отражение в переводе;
- 3) читатель и переводчик как основные участники процесса коммуникации; ассоциативно-опосредованная связь читателя с переводчиком в плане восприятия прочитанного, усвоенного.

Современная трактовка теории коммуникации предусматривает, что процесс перевода в принципе не может обойтись без языковых особенностей, которые используются специалистами в качестве знаков, кодов. Мы оставляем за рамками статьи вопрос об использовании всевозможных кодов для перевода с одного языка на другой, которые принадлежат к разно-системным. Например, давно и обстоятельно доказано многими учёными, что переводить, скажем, с азербайджанского на турецкий, узбекский, казахский и наоборот значительно проще, нежели с русского на английский, немецкий, французский и т.д. Родственные группы языков, безусловно, облегчают задачу переводчика. Однако углубление в эту очень интересную проблему – тема уже другого исследования.

Мы попытаемся рассмотреть первый из указанных факторов в схематичном виде. Несмотря на естественный процесс развития и обновления языка, всё-таки любые его системы относительно устойчивы. Поэтому лингвисты справедливо утверждают, что между различными языками (вне зависимости от группы) существуют отношения эквивалентности. И если обобщить, то в связи с конвенциональностью (не мотивированностью) элементов языкового кода, действия переводчика носят закономерный характер. Но в свете теории коммуникации акценты расставлены по-иному. Факторы перевода, связанные непосредственно с участниками коммуникации, чаще носят случайный или, по крайней мере, произвольный характер.

В отношении второго пункта следует отметить, что признание объективной действительности как важного фактора, влияющего на перевод, имеет и свои специфические особенности. Переводчику необходимо здесь предусматривать условия, при которых происходит так называемая мена кода с Я<sup>1</sup> на Я<sup>2</sup>. Она, в свою очередь,

предполагает как сознательное, так и интуитивно-подсознательное использование индивидуальных признаков переводимого текста, то есть факторов, чаще всего действующих в рамках коммуникации. В принципе это то, что в процессе перевода исследователи называют «языковым чутьём». Но с уточнением: оно не может быть задействовано при переводе, скажем, официально-деловой документации, разного рода писем или лексики, используемой в технических целях. Учёт второго пункта, как нам видится, скорее всего, пригодится при работе с текстами художественных произведений, так как он, по признанию большинства лингвистов и переводчиков, наиболее динамичен. А отражение в нём коммуникативных функций при переводе тем более не вызывает серьёзных возражений.

Тем самым мы вплотную подходим к разъяснению третьего пункта, смысл которого состоит в утверждении, что нельзя обойтись без главных участников коммуникации – переводчика и читателя. Образно выражаясь, объективные и субъективные факторы занимают между ними как бы промежуточное положение. На наш взгляд, это связано с теми задачами, перед которыми стоит переводчик в конкретных случаях. К примеру, когда специалисту предстоит перевести какое-либо сложное слово или выражение, и он осознаёт, что в ИЯ отсутствуют эквиваленты, то он подыскивает синонимы или ищет возможности сохранения общей ситуации в сугубо лингвистическом аспекте. В таком случае в переводе происходит отражение соотносённой с объективной действительностью величины. Иными словами, реализуется второй пункт. Но если рассматривать перевод в прагматическом аспекте коммуникации, то, напротив, вполне допустимы разумные изменения творческого плана или даже несоблюдение сигнификата знаков в ИЯ. Так, сохранение прагматической релевантной информации ИЯ потребует отказа от передачи сигнификата в определённых сегментах текста. Субъективизм (разумеется, в ограниченной степени) в свете современной трактовки теории коммуникации, таким образом, берёт верх и реализуется третий пункт.

М.П. Алексеев прозорливо подмечал, что «перевод подчас – это полёт творческой фантазии, релевантный объективной реальности. То есть он не зависим от волеизъявления самого специалиста» [1, с. 39–40]. Но так как в настоящей статье мы ведём речь о коммуникативных факторах перевода, то принимая во внимание слова М.Алексеева, всё же не можем сбрасывать со счетов и субъективные моменты. И что бы в ходе перевода не преваляло, эти величины являются равновеликими, в известном смысле уравнивают друг друга. Другими словами, как сигнификативные значения (соотносённость отражения в сознании читателя), так и денотативные значения (соотносённость с какими-либо объектами посредством сознания), есть основа для равноценной по содержанию замены одних знаков ИЯ на другие – в ПЯ. Следовательно, в рамках названной нами теории существуют две формы перевода на лексико-семантическом уровне.

Итак, выяснено, что языковые коды (знаки) способны вызывать в сознании переводчика и читателя определённые ассоциации, связанные с отражением объективной действительности. Они, как видели не равноценный друг другу. Более того, субъективный фактор почти всегда доминирует в глазах читателя, так как переводчик выполняет, главным образом, функцию ретранслятора, а читатель, как воспринимающая сторона – получатель информации. Однако в этой коммуникационной цепи в конце статьи нас всё же больше интересует роль переводчика.

Рассмотрев в самых общих чертах проблему, касающуюся вариативности, сигнификата и денотата, встаёт такой актуальный вопрос: а в какой форме в свете указанной теории коммуникации чаще всего осуществляется перевод? Большинство современных русских учёных (М.Ю. Илюшкина, Е.И. Алимova, И.С. Алексеева, Д. Селескович и другие) сходятся во мнении, что в качестве наиболее эффективных форм перевода выступают интерпретация и парафраза.

Следует незамедлительно зафиксировать внимание на том, что сам термин «интерпретация» в теории литературоведения, лингвистике и соответственно теории перевода обозначает весьма отдалённые друг от друга понятия. В первой пропедевтической научной дисциплине это трактовка того или иного художественного образа, мотивации поступков героев. Но в так называемой современной «интерпретативной теории перевода» – это такая концепция, согласно которой перевод в целом и общем рассматривается значительно шире языковой деятельности, как простейшей перекодировки отдельных текстовых фрагментов. Ключевым словом этой теории, собственно говоря, и является интерпретация. В аспекте уже указанных нами коммуникативных факторов данная форма ориентирует переводчиков на предварительное и глубокое осмысление первоисточника (от обычного ССЦ – до расширенных фрагментов текста,

вплоть до исходного раздела или главы). И только на следующем этапе проведённый через индивидуальное «Я-сознание» специалиста смысл в переводе ретранслируется в соответствующие лексемы другого языка. Д. Селескович – один из «пионеров» этой теории и связанной с ней центральной формы, разделила перевод на три этапа: А) Лексико-семантическое восприятие текста; D) Де-вербализация; С) Пере-выражение» [10, с. 2].

Современный немецкий лингвист Отто Каде симптоматично добавлял: «Кроме интерпретации, желателен в переводе использовать и парафразу» [6, с. 66]. Показательно, что на эти формы перевода О. Каде указал ещё в 1975 году. Но, оказывается, ещё ранее на это обратил особое внимание выдающийся лингвист Ш. Балли, который тоже считал «парафразу важной форму выражения мысли» [3, с. 117]. А вот свидетельства уже наших дней. И они ценны нам прежде всего тем, что органично вписываются в теорию коммуникации.

Так, одна из статей Т.Г. Теучежа так и называется: «Парафразирование в переводе» [11], в которой он прямо указывает на важность изучения этого приёма в свете последних требований к переводоведению как науки. Характерно, что автор этой работы ссылается, к примеру, на мнение К. Фукса, который, с одной стороны, приравнивает настоящий приём к лексической синонимии. С другой стороны утверждает, что эта связь присуща также разным уровням речи и коммуникации» [13, с. 46–47].

Высказывания современных лингвистов и выдающихся учёных прошлых десятилетий позволяют сделать обобщение: парафраза и интерпретация имеют специфические функции. Поэтому правильнее говорить о том, что они находятся на разных уровнях. Между тем совершенно очевидно, что использование обеих этих форм очень важно. Другой вопрос: вряд ли даже в художественном переводе можно встретить указанные формы, так сказать, в чистом, рафинированном виде. Скорее всего, следует говорить о том, что они между собой переплетены.

Важнее, по нашему мнению, отметить, что интерпретация и парафраза с коммуникативной точки зрения опираются на определённые семантические параметры, между которыми тем не менее, на наш взгляд, несложно уловить связь не только собственно лингвистического, но и культурологического характера. В особенности, если сослаться на «интерпретацию» в трактовке Д. Селескович, когда становится очевидной важность манифестируемого ею трехчастного процесса. Интерпретация, по мысли учёного, в этой цепи служит своего рода промежуточным звеном между мастерством переводчика как знатока иностранного языка и профессионала, ответственного за знание чужой культуры. Или упомянутого Теучежа, который в частности связал использование парафразы в переводе с коммуникативными целями, с одной стороны, и культурологическими задачами – с другой [11, с. 4–5].

Это мнение, кстати, подтверждает и коллектив современных учёных (Г.А. Антипов и другие), подчёркивающие сложности, которые нередко возникают на пути от переводчика – к читателям. Это сложности тем более увеличиваются при бросающихся культурных запросах. Вот тогда, как считает Г.А. Антипов и другие, в межкультурной коммуникации возникают разрывы, провалы» [2, с. 32]. Следовательно, с каких сторон ни посмотреть, названные формы играют очень большое значение в процессе перевода в целом.

**Заключение.** Итак, исследование процесса перевода в аспекте теории коммуникации в наши дни существенно расширяет потенциальные возможности специалиста. Проблема, рассмотренная под таким углом зрения, объективно становится острой и актуальной для переводоведения. Во-первых, становится ясным, в какой степени учёным-теоретикам и переводчикам следует учитывать отношения между знаком, кодом и человеком, который его непосредственно использует в своей деятельности. С позиции коммуникации тем самым решаются сугубо прагматические аспекты переводоведения. Во-вторых, изучая основные принципы, формы и приёмы перевода в искомом направлении, можно легко прийти к выводу, что эта наука относится к области прикладной когнитивной лингвистики, которая, впрочем, вовсе не исключает использования специалистом и других дисциплин. В-третьих, все указанные в статье факторы повышают мобильность переводимых текстов, так как их последовательный учёт (разумеется, включая и многочисленные другие черты, признаки, критерии перевода, не вошедшие в нашу работу) создаёт условия для их целесообразного применения. В-четвёртых, теория коммуникации в силу своей специфики позволяет оценивать высококвалифицированный перевод (вне зависимости от его видов) глубже, по сравнению с двухступенчатой цепочкой переводчик – читатель. С одной стороны, эта проекция мысли на объект переводимого текста; с другой – неоднозначное восприятие читателем.

## Список источников

1. Алексеев М. П. Проблемы художественного перевода. – Иркутск: Искусство, 1989. 99 с.
2. Антипов Г. А., Донских О. А., Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, 1989. 212 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языкознания. – Москва: Иностранная литература, 1995. 378 с.
4. Грушевицкая Т. Г. Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 352 с.
5. Илюшкина М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. 132 с.
6. Каде О. О специфических критериях различных форм перевода // Zufallund Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung // «Fremdsprachen». 1975. № 1. P. 64–72.
7. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации : учебное пособие. Воронеж: Изд-во ВТУ, 2000. 175 с.
8. Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. К обоснованию лингвистической теории перевода // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 51–60.
9. Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. Москва: Наука, 1964. 197 с.
10. Селескович Д. С. Интерпретативная теория перевода. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>, свободный. Заглавие с экрана. Яз.рус.
11. Теучеж З. Г. Парафразирование в переводе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 18, № 44. С. 268–272.
12. Фёрст Р. Дж. Лингвистический анализ и перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Москва: Международные отношения, 1978. С. 25–35.
13. Fuchs C. La paraphrase entre la langue et le discours // Langue française. 1982. № 53. P. 44–52.

## References

1. Alekseev M. P. Problemy xudozhestvennogo perevoda. Irkutsk: Iskusstvo, 1989. 99 p.
2. Antipov G. A., Donskix O. A., Markovina I. Yu., Sorokin Yu. A. Tekst kak yavlenie kultury. Novosibirsk: Nauka, 1989. 212 p.
3. Balli Sh. Obshhaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazykoznaniya. M.: Inostrannaya literatura, 1995. 378 p.
4. Grusheviczkaya T. G. Osnovy mezhkulturnoj kommunikacii: Uchebnik dlya vuzov. M.: YuNITI-DANA, 2002. 352 p.
5. Ilyushkina M. Yu. Teoriya perevoda: osnovnye ponyatiya i problemy. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 2015. 132 p.
6. Kade O. O specificheskix kriteriyax razlichnyx form perevoda // Zufallund Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung. «Fremdsprachen», 1975, nr. 1, pp. 64–72.
7. Kashkin V. B. Vvedenie v teoriyu kommunikacii: uchebnoe posobie. Voronezh: Izd-vo VTU, 2000. 175 p.
8. Revzin I. I., Rozenczvejg V. Yu. K obosnovaniyu lingvisticheskoy teorii perevoda. Voprosy yazykoznaniya, 1962, № 1, pp. 51–60.
9. Revzin I. I., Rozenczvejg V. Yu. Osnovy obshhego i mashinnogo perevoda. M.: Nauka, 1964. 197 p.
10. Seleskovich D. S. Interpretativnaya teoriya perevoda. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%>.
11. Teuchezh Z. G. Parafrazirovanie v perevode. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I.Gercena. 2007, Vol. 18, № 44, pp. 268-272.
12. Fyorst R. Dzh. Lingvisticheskij analiz i perevod. Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1978, pp. 25-35.
13. Fuchs C. La paraphrase entre la langue et le discours. Langue française. 1982. № 53, p. 44–52.

Статья поступила в редакцию 05.09.2021; одобрена после рецензирования 08.10.2021; принята к публикации 27.10.2021.

The article was submitted 05.09.2021; approved after reviewing 08.10.2021; accepted for publication 27.10.2021.